

Когда паломники приезжают на велосипедах, усаженный липами проспект пуст, как ладонь, и облака распутывают свою шерсть, бледные в бледном небе.

Эти мужчина и женщина, прислонив велосипеды к стене церкви, стоят возле тиса и колодца святой Маргариты, возле камня, потемневшего от тысячи отпечатков, слой за слоем: слепая женщина в 1265 году, которая доставала воду здесь и пила из чаши собственных рук, пока свет просачивался сквозь ветви деревьев, мельник, однажды напоивший корову, которая жила до шестидесяти четырех лет и никогда не прекращала давать молоко. Все хромые и умирающие, которые падали на землю или преклоняли колени

у разверстой земли. Теперь начинается дождь, вода льётся на деревья, камень, велосипеды. Мужчина останавливается, чтобы посмотреть на капли в выгоревших желобках надгробного камня, и спрашивает себя, случаются ли чудеса лишь потому, что мы в них верим.

«Такой обыкновенный колодец», — говорит женщина, и он соглашается. Но это живучесть веры, даже если миф стал просто мифом. Вода, в любом случае, сладкая.

Они уезжают так же, как приехали, прошивая проспект равномерными стежками, удаляясь от церковного двора, потом становятся миниатюрой на фоне неба цвета кости, такие маленькие, что они могли бы оказаться барашками, или камнями в поле, шелковицей на ветру.